

УДК 94(476)«18/19»:[316.34:63-051]

И.В. Падерова,*аспирант кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ*

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КРЕСТЬЯНСТВА БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Демократизация внутрисемейных отношений, переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, развитие малой семьи, появление новых социальных групп, урбанизация, рост уровня образования среди населения – это те социальные процессы, которые характеризуют развитие общества. Они определяют последовательную смену состояний общества или отдельных его систем, что требует тщательного научного изучения и всесторонне просчитанных подходов по их реализации. Вместе с тем в наше время наблюдается сокращение численности белорусов, старение населения. Подобные изменения в составе населения существенно влияют на развитие экономики и общества в целом.

Изучение социальной структуры населения Беларуси в исторической ретроспективе (в пореформенный период) является актуальной проблемой в отечественной историографии. Для этого времени были характерными естественный прирост численности населения, особенно крестьянского, имущественное и социальное расслоение крестьянства и формирование в его составе новых социальных групп – буржуазии и пролетариата.

Исследование качественного состава сельского населения Беларуси в пореформенный период возможно на основе данных ревизий-переписей. Так, материалы 10-й ревизии (1858 г.) позволяют распределить крестьянство по основным разрядам. Значительный материал о сословном составе населения представлен в «Адрес-календарях...», «Памятных книжках...», «Обзорах...» Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. содержит сведения по основным качественным характеристикам населения (сословиям, вероисповеданию, родному языку, месту проживания и т. д.) [16–20]. Социальные процессы в крестьянской среде этого периода широко освещались в периодической печати указанных губерний.

Проблема социальной трансформации населения Беларуси в пореформенный период находится в поле зрения отечественных историков. Начало изучению изменений в социальной структуре в Беларуси во второй половине XIX в. было положено трудами М.В. Довнар-Запольского. В исследовании «Народное хозяйство

Беларуси в 1861–1914 г.г.» представлена полная картина структуры белорусского общества в конце XIX в. [5]. Детально исследовав результаты переписи 1897 г., М.В. Довнар-Запольский приводит данные о динамике населения во второй половине XIX в., миграциях, сословной и конфессиональной принадлежности.

В общих чертах категории крестьян рассмотрел Л.П. Липинский в монографии «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Беларуси» [9].

С.М. Самбук исследовала политику самодержавия в отношении дворянства и крестьянства в пореформенный период в Беларуси [21]. Брачную структуру в пореформенный период исследовал Е.П. Насытко [11].

Социальные процессы в белорусской деревне являлись предметом изучения В.П. Панютича [14]. В монографии «Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 г.г.» автор показал динамику миграций, развитие отходничества, уровень грамотности, национальный состав сельского населения. Социально-классовую структуру населения Беларуси после отмены крепостного права детально рассмотрел А.Г. Кохановский [7].

В научных кругах монография Б.Н. Мирнова «Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.)» на сегодняшний день признана как самый фундаментальный труд по истории социальных отношений в Российской империи. Автор детально исследовал демократизацию внутрисемейных отношений, социальную структуру и социальную мобильность населения, урбанизацию, эволюцию сельского общества и менталитета различных сословий, в том числе крестьянского. В монографии содержится и статистический материал по пяти северо-западным губерниям [10].

Понятие «крестьянин» в российском законодательстве появилось довольно поздно. В первой половине XIX в. в законодательных памятниках понятие «крестьянин» относилось к лицам, состоящим в крепостной зависимости. Некрепостное сельское население фигурировало под термином «свободные сельские обыватели». После отмены крепостного права понятия «крестьянин» и «сельский обыватель» становятся практически синонимами. Причем в IX томе Свода законов Российской империи (1899 г.) преобладает термин «сельский обыватель» и дается определение: «К состоянию

сельских обывателей принадлежат: крестьяне и поселяне различных наименований, в том числе однодворцы, войсковые обыватели, бывшие заводские и фабричные люди, мастера-вые, колонисты, бывшие вольные люди западных губерний и др.» [22, с. 82]. В приложении к IX т., где сосредоточены законы об общественном управлении и об обеспечении крестьян землей, преобладает уже термин «крестьянин» [8, с. 24–25].

Эти изменения в терминологии соответствовали эволюции права о крестьянах, которое в результате реализации реформы 1861 г. оформило крестьянство в сословие. В результате проведения реформ в 1860–1870-х гг. происходил постепенный процесс унификации сословия свободных сельских обывателей, однако он проходил медленно вследствие правительственной политики по сдерживанию патриархальности деревни. Только после отмены подушной подати, круговой поруки, выкупных платежей, получения права выхода из общины и изменения своего социального статуса в 1906 г. крестьянство стало быстро превращаться в настоящий класс в истинном значении этого понятия [10, с. 123]. Таким образом, указом 5 октября 1906 г. крестьяне, как и все лица податных сословий, были уравнены в правах с другими сословиями в отношении поступления на государственную службу, в учебные заведения, перехода в духовное звание и монашество.

В Беларуси в середине XIX в. крестьянство составляло подавляющее большинство народонаселения и делилось на несколько разрядов: государственные, помещичьи, удельные, церковные и др.

Основной категорией крестьянского населения пяти северо-западных губерний являлись помещичьи крестьяне. По данным 10-й ревизии (1858 г.), они составляли свыше 3/4 всех крестьян и более половины всего населения. Удельный вес помещичьих крестьян был весьма высоким во всех регионах. В Могилевской губернии на их долю приходилось 85,6 % крестьянского населения, в Минской – 78,7, в белорусских уездах Виленской – 72,5, Витебской – 66,7, Гродненской – 65,8 %. Это обуславливалось господством помещичьего землевладения, сложившимся еще во времена Великого Княжества Литовского [14, с. 28–30].

Второй по численности категорией крестьянского населения Беларуси были государственные или казенные крестьяне. В конце 50-х гг. XIX в. они составляли почти 1/5 крестьянского населения (в целом по Европейской России этот показатель был намного выше – 48,2 %). Большинство государственных крестьян проживало на западе и севере Беларуси. По данным 10-й ревизии, в белорусских уез-

дах Гродненской губернии их было 135 тыс. 139 душ обоего пола, или 32,2 % крестьянского населения, Витебской – 79 тыс. 216 (29,9 %), Виленской – 84 тыс. 442 (24,5 %). В.П. Панютин отмечает, что разновидностью государственных крестьян являлись также поиезуитские «вторые» – крестьяне имений Ордена иезуитов в восточной части Беларуси, после ликвидации которого они оказались в распоряжение казны [14, с. 31–32].

Третью категорию составляли удельные крестьяне, прикрепленные к имениям царской семьи. Они занимали промежуточное положение между помещичьими и казенными крестьянами. По сравнению с первыми пользовались относительно большей свободой. В конце 50-х гг. XIX в. они были освобождены от крепостной зависимости. Удельные крестьяне проживали в основном в восточных уездах. В связи с массовым крестьянским движением и восстанием в Королевстве Польском, Литве и Беларуси царское правительство вынуждено было указом от 26 июня 1863 г. всех удельных крестьян перевести на обязательный выкуп.

Накануне отмены крепостного права небольшое количество крестьян принадлежало религиозным организациям. В 1861 г. в связи с малоземельем и безземельем церковных и монастырских крестьян Витебской губернии они были переданы в распоряжение Министерства государственных имуществ и поселены на казенных землях. В ведение казны перешли церковные и монастырские крестьяне и в других регионах Беларуси. Как и все государственные крестьяне западных губерний, они были переведены на обязательный выкуп по закону от 16 мая 1867 г. [14, с. 32–33].

Особую категорию крестьянского населения западных губерний составляли вольные люди. Они были лично свободными, имели право перехода из одного места в другое. Сословие вольных людей сформировалось в основном из местного населения – свободных крестьян разных категорий, а также староверов, переселенцев из Австрии, Пруссии и других стран. Обычно они не имели своей земли и в основном поселялись на частновладельческих землях на определенный срок, за аренду которых выплачивали денежную плату (чинш).

В 1863 г. в западных губерниях проживало до 100 тыс. ревизских душ вольных людей [1, с. 13]. Перед крестьянской реформой помещики с целью расширения своего землевладения стоняли их с земли. Однако борьба вольных людей за свои права и восстание 1863 г. вынудило правительство обратить на них внимание. По указу от 25 июля 1864 г., они причислялись к крестьянскому сословию. И если в Виленской губернии в 1873 г. количество вольных людей составляло всего 1 тыс. 856 душ обоего пола

[12, с. 6], то в 1902 г. такая категория из состава сельских обывателей вообще была исключена [13, с. 2]. К 1903 г. группа вольных людей была полностью ассимилирована в крестьянстве.

Отдельной социальной группой крестьянского населения на территории Беларуси являлись евреи-земледельцы. В 50–70-е гг. XIX в. царизм продолжал политику насаждения еврейских поселений на государственных землях «черты оседлости». К середине 60-х гг. ими было заселено только 11,9 тыс. дес. (45,8 %). Из них 2,9 тыс. дес. (24,4 %) пустовало и 3,6 тыс. дес. (30 %) обрабатывалось соседними крестьянами. К 1877 г. количество земли у евреев-поселенцев на бывших казенных землях Беларуси уменьшилось с 9 тыс. до 7,3 тыс. дес. (на 19 %), что свидетельствовало о крахе политики царского правительства в отношении насаждения еврейского земледелия на территории Беларуси [14, с. 35–36].

Отдельной категорией крестьян нужно считать колонистов. Почти все они были иностранного происхождения, в основном проживали в белорусских уездах Гродненской и Минской губерний и занимались земледелием.

Значительная часть безземельных однодворцев, единоверцев и староверов, православных арендаторов, как и вольных людей, пользовалась правом бессрочной аренды на помещичьих землях с фиксированной оплатой (чинш). После присоединения Беларуси к Российской империи помещики начали выселять чиншевиков с земли или переводить на положение временных арендаторов, самовольно повышая стоимость аренды. Чиншевиков переводили на обязательный выкуп. Для доказательства права наследственной аренды они должны были представить соответствующие документы. В чиншевых правах отказывали тем, кто не имел документов или арендовал землю на протяжении последних 10 лет до реформы 1886 г. К 1898 г. в пяти белорусских губерниях чиншевые права были подтверждены только в 3479 (16,4 %) случаях [14, с. 40].

Этим объясняется резкое сокращение однодворцев на протяжении второй половины XIX в. Так, если в Гродненской губернии в 1867 г. количество однодворцев составляло 5 тыс. 876 душ обоего пола [2, с. 129], то в 1883 г. – лишь 19 чел. [3, с. 4].

По вероисповеданию крестьянство делилось на две основные группы – православные и католики. Так, в четырех губерниях (Гродненской, Витебской, Минской и Могилевской) существенно преобладало сельское население православного вероисповедания. Например, в Гродненской губернии в 1867 г. православное население в уездах составило 64,2 %, римско-католическое население – 28,2 %, про-

тестанты – 0,8 %, евреи – 6,6 %, магометане – 0,1 %. [2, с. 130]. В уездах Могилевской – в 1888 г. православное население насчитывало 87,2 %, римско-католического населения – 2,7 %, единоверцев и протестантов – менее 1%, раскольников – 1,5 %, евреев – 8,5 % [15, с. 71–73]. Доминирование православного населения объясняется близостью к русским губерниям. Только в Виленской губернии ситуация была иной. В 1873 г. православное сельское население здесь составляло лишь 27,3 %, римско-католическое – 63,4 %, евреев проживало 7,3 %, лютеран-реформаторов и магометан – менее 1 % [12, с. 7].

До конца XIX в. в законодательной и административной практике в Российской империи ставился знак равенства между вероисповеданием и национальной принадлежностью человека. Считалось, если ты католик, то по национальности поляк. Православный же относился к русским. При практически полном отсутствии данных о национальной принадлежности крестьянства можно использовать материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в которой население поделено по сословиям и родному языку, который является основным показателем этнического самовосприятия каждого человека. Так, национальная структура крестьянства Беларуси к концу XIX в. была представлена следующим образом: белорусы составляли 88,32 %, украинцы – 6,11 %, русские – 3,16 %, поляки, литовцы, евреи, латыши – около 3 %, татары, немцы и др. – менее 1 % [16–20].

Православной Церкви отводилась важная роль в осуществлении политики русификации, которая усилилась после восстания 1863–1864 гг. Во время восстания православное духовенство проявило себя как надежная опора правительства. Для усиления позиций Православной Церкви в белорусско-литовских губерниях власти принимали не только законодательные меры. Быстрыми темпами строились и восстанавливались православные храмы, а католические костелы обычно перестраивались для православных прихожан.

Повышению уровня грамотности способствовало распространение православной религии (таблица). До конца XIX в. церковноприходские школы и школы грамоты в Минской губернии составляли 84,6 %, в Витебской – 60,5 %, в Могилевской – 82,3 % среди всех учебных заведений [4, с. 278].

В то же время в начале XX в. наблюдалось стремление Католического Костела организовать обучение детей-католиков на польском языке. В частности, в проправительственном журнале «Крестьянин» за 1908 г. сообщалось, что в Гродненской губернии «ксендзы, благодаря темноте нашего белоруса, стара-

Таблица – Грамотность населения в 1897 г.

Губернии	Грамотность (%)	
	мужчины	женщины
Виленская	29,32	17,61
Витебская	34,56	22,48
Гродненская	33,01	12,6
Минская	29,85	9,62
Могилевская	19,89	2,44

Источник: [16–20].

ются упорно навязать католикам-белорусам польский язык вместо русского и, под угрозой гнева Божия и непринятия к исповеди, удерживать детей римско-католического исповедания от посещения народной школы. Ксендзы стараются втиснуть в русскую школу польский язык и затереть русский и таким путем ополячить нас» [6, с. 29].

В 1897 г. грамотных взрослых и детей с 10 лет и старше в Беларуси было 25,7 % от всего населения, в том числе мужчин – 36,4 %, женщин – 15,2 % [24, с. 108].

Следует отметить, что количество крестьянских детей среди учащихся в учебных заведениях постоянно увеличивалось.

Важным фактором в изменении социальной структуры крестьянского населения в пореформенный период была его социальная мобильность. Крестьяне переходили не только в другие сословия, но и все меньше придерживались мест своего рождения. Втягивание крестьянства в рыночные отношения создало мобильность и другого рода – временный отход на заработки. Крестьяне-отходники отправлялись на промыслы без семьи. Большинство из них были заняты сезонными работами – строительством, извозом и др. Обычно отхожие промыслы практиковали семьи, у которых были незначительные участки земли, и крестьяне частично компенсировали недостачу доходов от сельского хозяйства заработками на отхожих промыслах.

Таким образом, в результате проведения реформ в Беларуси активизировалась консолидация различных разрядов крестьян в единое сословие сельских обывателей. Однако этот процесс происходил достаточно медленно, так как был опосредован не только разными условиями освобождения, но и наличием большого числа иных социальных групп, унификация которых растянулась до начала XX в.

Социальная дифференциация крестьянства не получила широкого и повсеместного распространения на территории Беларуси. Нехватку земли и денег крестьяне компенсировали доходами от промышленного отходничества. Вместе с тем модернизационные процессы в крестьянском хозяйстве края происходили медленно. Развитие рыночных отно-

шений, ликвидация сословной замкнутости, повышение уровня грамотности, безусловно, имели место, но эти процессы не были определяющими вплоть до конца XIX в. Итак, крестьянство в изучаемый период оставалось сословием со своим традиционным менталитетом, привычками, отношением друг к другу, семье и т. д. Российское правительство в значительной степени содействовало этому, консервируя традиционные патриархальные отношения в среде крестьян.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абрамов, Я. Некоторые особенности наших поземельных отношений / Я. Абрамов // Отечественные записки. – 1883. – № 11.
2. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1869 год. – Гродно: Тип. губернского правления, 1869. – 139, XI, 141 с.
3. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1885 год. – Гродно: Тип. губернского правления, 1884. – XXXVI, 362 с.
4. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш.; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – 519 с.
5. Довнар-Запольский, М.В. Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг. / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: Изд. Госплана БССР, 1926. – 239 с.
6. Из деревенских наблюдений по Гродненской губернии // Крестьянин. – 1908. – № 2.
7. Кохановский, А.Г. Социально-классовая структура народонаселения Белоруссии во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Г. Кохановский; Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина – Минск, 1989. – 21 с.
8. Леонтьев, А.А. Крестьянское право / А.А. Леонтьев. – СПб.: Юрид. кн. маг. И.И. Зубкова, 1914. – VIII, 364 с.
9. Липинский, Л.П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Беларуси (вторая половина XIX века) / Л.П. Липинский. – Минск: Наука и техника, 1971. – 254 с.
10. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). В 2 т. Т. 1 / Б.Н. Миронов. – 2-е изд. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – 548 с.
11. Насытка, Я.П. Шлюб і шлюбная структура насельніцтва Беларусі ў 60-х гг. 19 ст. – 1914 г. / Я.П. Насытка // Гістарычны альманах. – Гародня, 2002. – Т. 6. – С. 152–164.
12. Памятная книжка Виленской губернии на 1875 год. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1875. – VIII, 244, LXVI с.
13. Памятная книжка Виленской губернии на 1904 год. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1904. – XIV, 420 с.
14. Панютин, В.П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. / В.П. Панютин; науч. ред. П.Г. Козловский. – Минск: Наука и техника, 1990. – 375 с.
15. Памятная книжка Могилевской губернии на 1890 год. – Могилев: Губ. стат. ком., 1890. – 462 с.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого // Виленская губерния. Вып. IV. – СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. – 1904. – Тетр. 3. – 179 с.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого // Витебская губерния. Вып. V. – СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. – 1901. – Тетр. 1. – II, 51 с.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого // Гродненская губерния. Вып. XI. – СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. – 1904. – 319 с.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого // Минская губерния. Вып. XXII. – СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. – 1904. – XVI, 243 с.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого // Могилевская губерния. Вып. XXIII. – СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. – 1903. – XVI, 276 с.

21. Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / С.М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1980. – 221, [2] с.
22. Свод законов Российской империи. – СПб.: Государственная типография, [1899]. – Т. IX: Законы о состояниях. – [2], 412 с.
23. Улащик, Н.Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии / Н.Н. Улащик // История СССР. – 1968. – № 1. – С. 108.

SUMMARY

The article considers on the social structure of peasants in Belarus in the second half of the XIX – beginning of the XX century. It is pointed out that the most

important factor of restructuring of peasants was its social mobility after the pre-reform period. Great interest has the social differentiation of peasants in the capitalist reality. The main peasant categories in Belarus are mentioned in the article. Much attention is paid to the subdivision of peasants according to the religion and native language. The author comes to the conclusion that the reforms in Belarus caused the unification of different groups of peasants. This process has finished just in the XXth century.

Поступила в редакцию 20.03.2014 г.

УДК 930(476):27«192/193»

С.Ф. Веремеев,

аспирант кафедры истории Беларуси БГПУ

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ БССР И ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ 20–30-х гг. XX в. В БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На современном этапе белорусские ученые уделяют значительное внимание изучению различных аспектов конфессиональной истории нашей страны, включая историю христианства в период 20–30-х гг. XX в. Научная разработка указанной проблематики сопровождается критическим переосмыслением соответствующих взглядов и оценок предшественников. В этом контексте приобретает актуальность проведение специального исследования белорусской советской историографии темы.

Первые работы, в которых рассматривалось положение христианских конфессий на территории БССР и Западной Беларуси, появились уже в 1920–1930-е гг. Для них была характерна однобокая трактовка событий, антирелигиозная и агитационно-пропагандистская направленность. Белорусские советские исследователи 20–30-х гг. XX в. стремились оправдать проводимую советскими властями конфессиональную политику. В работах того времени приводились факты выступлений представителей христианского духовенства и верующих против создания колхозов, а Православная и Католическая Церкви были названы «гнёздамі контррэвалюцыі» [1, с. 3]. Категорически отрицалось наличие в БССР каких-либо преследований по религиозным мотивам. Так, авторы работы «Папа Пій XI і крыжовы паход» ссылались при этом на интервью администратора Минско-Могилевской архиепархии ксендза П. Авгло, заявившего, что репрессий в БССР в отношении католиков нет [2, с. 98–100]. Однако современные исследования показывают, что заявление П. Авгло было вынужденным, сделанным под давлением ОГПУ, а сам ксендз позже раскаивался в своем поступке [3, с. 332].

Белорусские исследователи довоенного времени отстаивали тезис о кризисе религии в советском обществе и падении ее влияния под воздействием социалистических преобразований. В частности, данный тезис отстаивал С.Я. Вольфсон в работе «Сучасная рэлігійнасць» [4]. Известные в настоящее время факты свидетельствуют о сохранении достаточно прочных позиций религии в СССР и БССР даже в конце 1930-х гг. [5, с. 99–101].

Освещение положения протестантских общин на территории БССР претерпело в литературе 1920–1930-х гг. определенную эволюцию. В начале 1920-х гг. вышла статья М. Завьялова, посвященная протестантизму в Гомельской губернии [6]. В ней отмечалось, что «сектантское движение... не может быть признано нами в настоящее время как антисоветское движение» [6, с. 76]. В более поздних работах протестантизм назывался «шкодной ідэалогіяй, якая адурманівае масы» [7, с. 42]. Это было связано, на наш взгляд, с изменением в 1929 г. конфессиональной политики советских властей в сторону ее большего ужесточения. Белорусские исследователи, начиная с 1929 г., стали подчеркивать антисоветскую позицию протестантов. Так, в работе Д. Хайтуна и П. Капаевича было отмечено, что в ряды протестантов в условиях классовой борьбы шли враги советской власти [7, с. 41]. Увеличение численности приверженцев протестантизма в БССР в 20-е гг. XX в. объяснялось экономическими причинами, слабостью проводимой политико-просветительской работы, хорошей организацией самими протестантами «рэлігійнай агітацыі і пропаганды» [7, с. 41–42]. Большое внимание было уделено изучению социальной структуры и численности протестантских общин, их специфике